

Ирина Худушина

Прелюдия к русскому гуманизму

Петр I ввел Россию в поле европейской культуры. По сути это был санкционированный переход к европейскому стилю жизни. Насильственный характер мероприятия очевиден. Бытовавшая до сих пор русская православная культура довольно быстро перешла в разряд фольклора, хотя в ее стилистике продолжала жить подавляющая часть населения, так называемый народ и духовенство. В то же время крестьянство и городской люд в силу, может быть, своего исконного двоеверия, сыгравшего немалую роль в формировании некоей гуттаперчивости народного сознания, демонстрировали изрядную толерантность, оказываясь в пограничной полосе. Только, пожалуй, одно старообрядчество осталось строгим хранителем традиций самобытной русской культуры. Высшее (в смысле просвещенное, культурное, а также в смысле высшее сословие, т.е. дворянство) общество представляло уже *другую*, светскую, европейскую по происхождению культуру, в России лишенную корней и традиций, но воспринимавшуюся уже как общекультурный знаменатель. Лишь религиозно-культурное пространство осталось единым для этих двух неравнозначных частей русского социума.

Сосредоточием новой культуры XVIII века было русское дворянство — единственное для того времени сословие, способное в адекватных рефлексивных формах отражать основные тенденции и противоречия развития общественного сознания переходного общества, каким и было русское общество XVIII в. Обретение собственной идентичности в условиях новой культуры — в этом направлении шла работа общественного самосознания. Особую насыщенность этот процесс приобрел в царствование Екатерины II, которое П.Н.Милоков назвал «эрой в истории русского общественного самосознания».

Общественное самосознание с этого времени отличалось выраженной корпоративностью. Дворянин, крепко ощущая себя представителем рода, обладал уже изрядным индивидуалистическим иммунитетом, осложненным зависимостью верноподданного в отношениях с властью, патерналистским долгом в отношении вверенных ему крестьян, руководствуясь кодексом чести в своем кругу. Став решающей силой всех дворцовых переворотов и отыграв на этом немалые социальные и экономические права и привилегии, дворянство представляло собой относительно независимую социальную категорию, в среде которой отнюдь не беспочвенно получили реальный смысл понятия человеческого достоинства, самодостаточности и самооценности личности. Это далеко еще не социальная зрелость, способная решительно поставить, например, проблему прав человека в понятиях, адекватных европейскому сознанию Нового времени, но это серьезная основа для гуманистического взгляда на человека вообще.

Русский XVIII век не перестает поражать стремительностью развития общества и многообразием примеров созидания или творческого освоения новой культуры. Это обусловлено тем, что этот период представляет собой совершенно новое, *переходное*, содержание: энергичная культурная восприимчивость накладывается на тягучие процессы, связанные с кризисом мировоззрения и нахождением иных нравственных ориентиров. Бешеная энергия преобразования, исходившая от Петра I, заразила общество, при этом очарование Монплезира не гарантировало утонченность нравов. Так будет еще долго: нравы не под стать интерьеру. Красота не возвышает. Завезенное в одночасье светское искусство эмоционально еще не воздействует на человека так, как должно, очевидно, воздействовать. Всеми своими корнями, понятиями, подсознанием общество еще принадлежит уходящему Средневековью. Дворцы, построенные немцами и итальянцами, здесь ни при чем. «Действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе»¹ — так скажет А.С.Пушкин.

Десятилетие правления Анны (1730–1740) — это тяжелый нравственный откат в ситуации еще не окрепшей морали светского общества; здесь начало оскорбительного для общества фаворитизма и, пожалуй, последняя демонстрация средневекового безнаказанного глумления власти над человеком. Царствование веселой Елизаветы (1741–1761) дало очень много для восстановления национальной гордости. Именно в этот период произошло окончательное освоение европейского стиля жизни, в первую очередь в моде, архитектуре и в

светском церемониале — здесь восприимчивости русского человека надо отдать должное. Однако блестящие образцы культуры русского XVIII в. — чаще лишь зрительные образы, поэтому применительно к тому времени так много сказано о фасаде, о форме, преобладание которой отражало органичное погружение в эстетику новой культуры. Духовное же развитие шло в иных координатах, по законам, непосредственно не зависимым от успехов европейских архитекторов.

Наиболее существенное влияние на умы оказала западная художественная литература. Безмерно разлитая чувственность с абсолютным успехом сменила сухую, учебно-утилитарную направленность литературы, заданную Петром I. К середине XVIII века, по словам Василия Ключевского, светское общество захлестнул «поток назидательно-пресных мещанских трагедий и сентиментально-пикантных романов, в изобилии изготовлявшихся на западе. Колючая литература научного знания сменилась произведениями сердца и воображения, щекоктавшими элементарные инстинкты»². Последствия такой «политики влияния» были противоречивы: с одной стороны, читающая публика надолго «зависла» в режиме примитивной чувствительности, при этом «общечеловеческая культура, приносимая иноземным влиянием, воспринималась так, что не просветляла, а потемняла понимание родной действительности»³. По этому поводу Н.И.Новиков язвил в своем «Живописце», что раньше публика ничего не читала, кроме романов, по причине невежества, а сейчас не читает, полагая причиной «великое наше просвещение»⁴. В позитивном остатке, и это главное, — культурное общество приобрело крепкий вкус к чтению, при этом чаще непереводной литературы.

Процесс «натурализации» другой культуры в столицах и губернских городах к середине XVIII века в основном закончился. Именно тогда русское общество впервые задумалось. Наряду с традиционной патриотической темой в русской литературе и журналистике лидирующее место заняла этическая проблематика⁵. Появлялись научно-популярные издания, напоминавшие упрощенные этические словари. Художественная литература осваивала жанр сатиры, критикуя нравы общества: жестокое обращение помещиков с крестьянами, недобросовестность и продажность судей, забитость и униженность крестьян, повсеместное невежество — с этих пор дежурные темы в русской литературе. В то же время сатира начала присматриваться к уродливым проявлениям процесса культурного приобщения. Широкое распространение получило сатирическое изображение человека, комичного, а часто и потерявшего достоинство в безудержном подражательстве парижской моде. Практически сразу стало очевидно

утрированное восприятие другой культуры, и литература отразила это беспощадной критикой русской галломании. Появились гротескные характеры петиметров и светских львиц, воспроизводившие вариации мольеровского *мещанина во дворянстве*. В этом случае речь шла о размытом понимании человеческого достоинства. Когда же дело касалось отношений между сословиями, выяснялось, что там отсутствует само понятие человечности. «Таким образом, — писал Ключевский, — открывалось неожиданное и печальное зрелище: новые идеи просветительской философии являлись оправданием и укреплением старого доморощенного невежества и нравственной косности»⁶. Оказалось, что петровский рывок, модернизируя промышленно-утилитарное пространство и наводя внешний европейский лоск, проигнорировал, оставив в неразвитом состоянии, гуманитарную составляющую культуры. В новых координатах светской жизни выявилась недостаточность официальной религиозно-нравственной опеки. Сатирические журналы Николая Новикова «Трутень», «Живописец», «Кошелек» выявили «невероятное нравственное одичание» (В.Ключевский) общества, при этом чаще общества *просвещенного*. Положение было столь вопиющим, что автором сатирических пьес выступила и сама Екатерина II.

Общество находилось еще в начале движения к свету просвещения, но уже сам подход оказался порочным. Индивидуальность восприятия, неподготовленность человека, полнейшая неадаптированность материала — причин множество, но результат был практически один: понижение нравственного уровня при весьма спорном понимании человеческого достоинства. То, что подобная европеизация была не такой уж безобидной, довольно точно выразил В.О.Ключевский: «Зло, с которым боролась сатира, было не слабостью, не простым пороком, а нечто вроде порока сердца, то есть болезнью, пороком просвещения. Эту болезнь можно назвать анемией общественного сознания и нравственного чувства»⁷. Диагноз Ключевского вынесен сто лет спустя, но и у многих современников «просветительская интервенция» вызывала далеко не однозначную гамму чувств. То интенсивное, но довольно гармоничное освоение европейской культуры, которое продолжалось всю первую половину XVIII века, приобрело со второй половины века отчасти противоречивый, отчасти гротескный характер оттого, что основные понятия просвещенческой идеологии и философии развивали или отвергали те понятия, которые в русскую философскую или политическую культуру еще и не пришли. Наложение по сути возрожденческих переживаний, настроений, сопровождавших выход русского общества из средневеко-

вого застоя, на предложения зрелого Просвещения ни к чему концептуально цельному привести не могло. Понять существо ситуации тогда способны были немногие, но такие люди были.

Противоречия обнаружились в рамках новой, светской культуры с приходом к власти Екатерины II. «Новая культура как санкция наличного строя оказывается в полнейшем противоречии с новой культурой как основой сознательного отношения к жизни»⁸. Разногласия были вызваны неоднозначным восприятием новой культуры в целом, но главным следствием этого, определившим основную интригу эпохи, были столкновения внутри одного сословия, дворянства, различных взглядов на веру и мораль. Это был диалог людей, *принадлежавших к одному обществу*, но разведенных пониманием *новой морали и истинной веры*. Не то, чтобы кто-то призывал вернуться к «средневековому» укладу, речь шла о нормах морали, соответствовавших понятиям чести и достоинства человека. Если эстетическое освоение другой культуры шло уже в более или менее адаптированном ключе, то самоопределение в вопросах морали было чревато конфликтами, и даже в иных случаях выглядело как оппозиция. Спускаемая сверху естественная мораль просвещенной государыни воспринималась как аморальность просвещенным же обществом, по крайней мере, той частью его, которая в ответ приняла меры для воспитания *другого* монарха, в первую очередь, представлявшего собой нравственную личность. Политика и мораль всегда в России шли бок о бок как следствие слабого правосознания общества.

В век Просвещения на аюльтер императрицы церковь не реагировала, однако общество уже не было безгласно. После перенесенного шока, который могли вызвать поведение *освобожденной* женщины или белые чулки на мужских икрах, обывателя занимали такие вопросы, как узурпация трона, чистота крови законного наследника, не говоря уже о таких мелочах, как нравы Двора: «К коликому разврату нравов женских и всей стыдливости — пример ея множества имения любовников, един другому часто наследующих, а равно почетных и корыстями снабженных, обнародывая через сие причину их щастия, подал другим женщинам»⁹.

Екатерина II полностью восприняла современную ей идею естественного стремления к счастью, и она была вполне органична в этом естественном стремлении. При этом гедонизм как стиль жизни органично уживался с православием: осознаваемая в какой-то степени греховность, или ненравственность, собственных поступков оправдывалась внешним благообразием или успокаивавшем совесть чувством Бога в душе. Здесь Екатерина, всегда чутко ловившая дух тради-

ции, следовала древнерусской «широте души», отмеченной Г.П.Федотовым: «На Руси жестокость, разврат и чувственность легко уживаются с обрядовой строгостью»¹⁰. Однако к середине XVIII века сформировалось общественное мнение, которое выражало позицию культурного общества, в вопросах морали явно не совпадавшую с официальной. Если большое видится на расстоянии, то, очевидно, в силу своей близости ко Двору часть дворянства не была оглушена победно-государственной риторикой и видела религиозно-нравственный прагматизм Екатерины в истинном свете. Просвещенная императрица была выше предрассудков, но, как заметил ее современник Д.И.Фонвизин, французские мудрецы «искореняют сильно предрассудки, да воротят с корню добродетель»¹¹.

Сама императрица, поступая, по мнению общества, аморально, не только не испытывала смущения или неловкости, но, напротив, она считала себя «миссис совершенство» и не раз заявляла о том, что человек создан для счастья. Действительно, в соответствии со своими взглядами и теориями века она сама выстраивала свою жизнь. Хотя такая позиция полностью вписывалась в европейскую этическую парадигму Нового времени, она вызывала скорее скепсис, чем понимание у современников. «Видя храм сему пороку, сооруженный в сердце Императрицы, едва ли за порок себе считают ей подражать; но паче мною почитает каждая себе в добродетель, что еще столько любовников не переменяла»¹². В «Недоросле» alter ego автора, Стародум, говорил о том, что Двор болен неисцелимо: «Тут врач не поможет, разве сам заразится»¹³. К этому же «лагерю» принадлежал и А.С.Пушкин: «Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала. <...> Отселе произошли сии огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа. От канцлера до последнего протоколиста все крало и все было продажно. Таким образом развратная государыня развратила и свое государство»¹⁴, — заметил Пушкин в записках «О русской истории XVIII века».

Дело отнюдь не в суде над императрицей, к тому же столь великая историческая личность сегодня не нуждается в оправданиях. Дело в том, что, если бы не *обстоятельство Просвещения*, никаких альтернатив в нравственной оценке императрицы не было бы вообще. Бесспорное для идеологов Просвещения право человека на счастье в конкретной ситуации раздвоения морали проявлялось в искаженном виде. Более того, в ситуации этической аморфности, обусловленной «революцией нравов», Просвещение оказало деструктивное воздействие на мораль, в результате чего были разрушены «простейшие нравственные связи» (Ключевский).

Заявленная императрицей мировоззренческая сопричастность Просвещению как бы оправдывала «новую мораль», низводившую общепринятые нормы до уровня пережитков. В той же логике и современные авторы интерпретируют «моральные поступки» императрицы как инверсию этики просвещенного человека века Просвещения: «По складу ума, системе мышления Екатерина была человеком Нового времени с характерной для него активной жизненной позицией. Она верила в то, что человек — сам творец своего счастья. <...> С позиций морали XVIII в. написанное Екатериной вовсе не казалось циничным. Идеалы Просвещения, напротив, требовали восхваления деятельной, активной личности, собственными усилиями добивающейся положения в обществе»¹⁵.

В.Ключевский, разбирая эту ситуацию, сравнил просвещенческую мотивацию с индульгенцией: «Философский смех освобождал нашего вольтерянца от законов божеских и человеческих, эмансипировал его дух и плоть, делал его недоступным ни для каких страхов, кроме полицейского, нечувствительным ни к каким угрызениям, кроме физических, — словом, этот смех становился для нашего вольнодумца тем же, чем была некогда для западного европейца папская индульгенция, снимавшая с человека всякий грех, всякую нравственную ответственность»¹⁶.

В свете Просвещения нравственная система ценностей видится по-разному, в зависимости от занимаемой позиции; в то же время ее оценка вне идеологических «стекол» может выглядеть вообще по-другому, например: «Утилитарная беззастенчивость — это по сей день не изученное интегральное выражение позднефеодального нравственно-психологического климата. Меркантилизирующиеся феодальные верхи насаждают в обществе безнравственную интерпретацию самой нравственности»¹⁷. В XVIII в. картезианская, основанная на рационализме, этика сменяется *эмоциональной этикой*. «Новая интуиция предполагает непосредственную <...> ценность человеческих переживаний <...>. Смена “моды” затронула весь спектр просвещенческой культуры, и XVIII век обязан этому своим расцветом эстетической чувственности и праздничности, равно как и подъемом уважения к правам индивидуальности. <...> Однако опора на витально-психическое начало человека приводила к размыванию собственно нравственного начала. <...> здесь путаница, отождествлявшая морально-доброе с приятным, полезным, легитимно-правильным, религиозно-благочестивым, эстетически прекрасным, приводила или к кризису, или к деструкции морали»¹⁸.

Если для Екатерины новая мораль, порождение века Просвещения, была неоспорима как заданная величина, то резонное замечание Фонвизина о том, что «просвещение возвышает одну добродетельную душу», открывало перед человеком перспективу духовного роста. Просвещение в этом случае — не благая весть, действие его не однозначно и зависит от свойств личности. Эгоистическая позиция Екатерины не только не облагораживала межличностные отношения, но и уведила общество от нравственных идеалов, в конечном счете определяющих и вектор прогрессивного развития. Современник Екатерины II, Ж.-Ж. Руссо, связывавший мораль с политикой, сказал это короче и гениально точно: «Родина не может существовать без свободы, свобода без добродетели, добродетель без граждан»¹⁹. Руссо проблему добродетели решал в единстве с проблемой совести, отвергая оправданную просветителями этику эгоизма. В России было немало приверженцев именно такой позиции.

Неприятие официальной доктрины исключительно в религиозно-нравственном аспекте завело механизмы, ценнейший для любой цивилизации, — осознание личностной автономии. Российское общество, переживая процесс секуляризации, в то же время оставалось во многом еще обществом традиционным. Христианскую мораль в православном государстве никто не отменял — ее заповеди, как извечные ценности и ориентиры, и в светской культуре ограничивали жизнь человека пределами дозволенного. Но санкционированное освобождение нравов, чувственная распушенность, демонстрируемая Двором русских императриц, отрицание всего и вся, на чем держалось традиционное общество, не могло не вызывать вопросов. Церковная же риторика в условиях революции нравов не работала. Православная церковь, отпустив одержимых в раскол, приняв унижение Синодом, отдав духовенство в низшее сословие, застыла в формализме обряда и не была способна по существу на диалог с тем верующим, кто к такому диалогу стремился. В политико-экономическом отношении Россия демонстрировала незыблемость самодержавно-крепостнического строя, а общество — в основном не потревоженное религиозное мировосприятие, однако догматизм православия, не пережившего обновляющих ломок Реформации, провоцировал не только критический взгляд на церковь или религиозный индифферентизм, но и заставил иных обратиться к поискам *истинной веры*.

Таким образом, имея равные условия на старте — «осень Средневековья» на дворе и европейскую просвещенность в головах — дворяне не могли договориться о том, что нужно душе и как быть с греш-

ным телом. Правда и то, что прийти к согласию в подобных вопросах невозможно, но здесь интересен сам факт самоопределения части общества в существенных аспектах мировоззрения.

История общественной мысли, как правило, пишется по сценарию, где основная интрига завязана на столкновении идей. Для переходного времени предсказуем конфликт старого и нового и неограниченный выбор проблем. Схематизация при этом неизбежна. На русский XVIII век выпало наложение множества реалий, отсюда вольное или невольное самоопределение каждого и выбор каждым *направления и меры*. Соответственно всё столетие звучит полифония голосов, среди которой выбранных два также будут полифоничны по сути. Наслоение стилей неизбежно, но если убрать «помехи», каждая из сторон окажется одержимой в одном — это нравственный прагматизм императрицы Екатерины II, представляющей сторону русского Просвещения, и нравственная одержимость русских масонов.

Диалог внутри одного сословия о нормах новой морали и о поисках истинной веры показателен тем, что в нем, как в основном мировоззренческом споре эпохи, проявилось реальное состояние общественного развития. Почему так? Россия к тому времени не имела и не могла иметь сколько-нибудь разработанной общественной теории. И учение масонов, и Просвещение, как результат интеллектуального развития Европы, были восприняты (в спорной степени адекватности), с одной стороны, русскими масонами, с другой — императрицей и ее единомышленниками, что породило два общественных течения — *русское масонство* и так называемое *дворцовое Просвещение*.

В Европе к тому времени масонство в основном отыграло свою историческую роль, превратившись в маргинальное мистическое учение, прикрывавшее подчас политику влияния и отчасти стимулируемое ею.

Идеи Просвещения же в России озвучивались практически в унисон с французскими законодателями моды.

Религиозно-этический пафос масонства нашел в России массу приверженцев; оно, казалось, давало ответы именно на те вопросы, которые остро встали перед просвещенным обществом с приходом к власти Екатерины II.

Идеи Просвещения шли в потоке французской моды на платья, театр, литературу, но и они имели подготовленную почву религиозного индифферентизма, скептицизма и ...аристократического куража.

Впрочем, бывали и накладки. Так, Григорий Орлов, уже в свою бытность в фаворе, состоял в ложе, а первая волна широкого распространения масонства (начало 1770-х гг.) в России, так называемого *рационального*, или *Елагинского, масонства*, имела немало общего с

вольтерьянством. В ложах излюбленной была идея естественного равенства людей, круг чтения наряду с религиозно-мистической литературой составляли и просветители. «Люди одарены разумом, который поучает, что делать и как поступать нам; поэтому и имеем общий естественный закон» — таковы слова принимаемого в Елагинскую ложу мастера ²⁰.

На обыденном уровне слова *вольтерьянец* и *фармазон* долго звучали как синонимы. То, что инертное большинство дворянства путалось в понятиях — факт очевидный, печальный, закономерный, всегда определявший победу косности в России. На мнение этого большинства опиралась Екатерина II, когда предъявляла Н.Новикову ложные обвинения в присвоении чужих денег. Арест Новикова и крах масонства при Екатерине II был вызван причинами политическими: крепнувшими связями масонов с наследником, великим князем Павлом Петровичем, с одной стороны, и беспрецедентной по масштабам благотворительностью, ставившей под сомнение возможности и доброе намерение правительства, — с другой. При этом бескорыстие, доходящее до жертвенности, членов кружка Новикова, русских розенкрейцеров, при действительно огромных денежных оборотах книгоиздательской, просвещенческой и филантропической деятельности было известным фактом их биографии. Поэтому официальное обвинение масонов в корыстных мотивах стало непонятным близкому окружению Екатерины, но сама императрица, зная, *как* надо воздействовать на общественное мнение, сознательно путала мораль и политику.

В силу ряда причин, включенность Екатерины II в просветительские теории была более органичной, чем у ее окружения. Немецкая принцесса Софья Фредерика Августа воспитывалась в протестантской культуре; до вступления на российский престол у нее было время, политическое чутье, огромное честолюбие и превосходные способности для того, чтобы познакомиться с трудами просветителей и даже вступить с Вольтером, Дидро и Гриммом в непосредственный диалог. Так что выводы историков о том, что «философия Просвещения была идейной основой политики Екатерины», и более того, «определяющее воздействие просветителей на мировоззрение Екатерины II, ее менталитет сомнений не вызывает»²¹ — можно принять с одной оговоркой: для современников было отнюдь не очевидно революционное содержание идей Просвещения. Воспринимая идею естественного равенства людей как гуманистический символ эпохи перемен, просвещенное дворянство ни в коей мере не могло осознать его реального социально-политического содержания.

Екатериной и ее окружением новые теории воспринимались в плане совершенствования общественных отношений с позиций здравого смысла, а прагматизм и здравый смысл составляли основное свойство натуры Екатерины II. Императрица в проекте «Наказа» и других документах высказывалась о преимуществах свободного труда, о крестьянской свободе и собственности как о мерах эффективного развития сельского хозяйства, о необходимости формирования среднего сословия как двигателя прогресса. Подобные тенденции «Наказа» на стадии обсуждения не были приняты екатерининским окружением, да и сама императрица, казалось, дальше деклараций идти не собиралась и в самом деле не шла. Спор о том, чей вины здесь больше — «первого европейца», Екатерины, или консервативного дворянства — бесконечный и всегда риторический. В конечном счете, стороны соглашались. Екатерина, прекрасно понимая преимущества свободного труда, издавала указы в основном одной направленности — усиления экономической и юридической зависимости крестьян от помещиков. Правда и то, что роковую роль в историческом откате сыграла Пугачевская война; пожалуй, только через сто лет дворянство едва-едва оправилось от пережитого ужаса.

Русские масоны прошли через увлечение идеями Просвещения. Для одних это явилось приобретением интеллектуального опыта, кто-то отнесся к этому увлечению как к неизбежным ошибкам молодости, большинство же до конца сохранило к ним чувство острой неприязни.

Идеи Просвещения в XVIII в. звучали явственно, но прошли для русского общества практически бесследно, за исключением французских томиков в прекрасных библиотеках дворянских усадеб. В университетах читались курсы по *естественному праву*. Иными словами, образованные люди знали, о чем идет речь, но само общество? Пропустило ли оно через себя просветительскую идеологию, став взрослее? Нет. Оно довольно вяло обсуждало идеи естественного равенства и проблему прав человека в Александровскую оттепель, а после Отечественной войны 1812 года — это уже тематика тайных обществ. Очевидно, в какой-то степени общество осознало разрушительный для существовавшего режима смысл просветительских идей, но одновременно оно и отгородилось от них. Хрестоматийный пример: профессор права Главного педагогического института А.П. Куницын в 1821 г. был отстранен от должности, а его труд «Право естественное», тогда базисный для философии права в России, был изъят из системы образования, хотя никакой опасности власти он в то время не представлял. В XVIII-м и еще несколько десятилетий следующего века «классовые бои» шли в пределах одного сословия. В России было

так: прогрессивная идеология распространялась и осваивалась в той среде, которая по законам истории призвана быть ее основным противником. Нельзя сказать, чтобы силы были равны, к тому же, как известно, противостоять своим еще труднее.

Практически весь XVIII и первую половину XIX века просветительские идеи мелькали в сочинениях то тех, то иных русских мыслителей, провоцируя историков отечественной философии на подчас конъюнктурные споры о наличии или отсутствии просветительского вируса в обществе. Политизация философской антропологии, как и философское осмысление политико-правовой проблематики в адекватном антифеодальном ключе, на фоне демократизации и либерализации общественного сознания началась только во второй половине XIX века.

В конце XVIII века русское просвещенное общество было далеко не готово адекватно воспринять просветительские концепции. Впрочем, уважаемый коллега сказал лучше: «На протяжении всего XVIII-го, а также первой трети XIX в. просветительские идеи не оформились в России в самостоятельное направление, они функционировали в рамках других направлений, в первую очередь относящихся к неакадемическому дворянско-революционному и дворянско-либеральному типам, и отчасти через школьно-университетскую философию. *Национальная почва в эти годы еще не созрела для того, чтобы не только породить, но даже воспринять сравнительно целостные, настоящие просветительские концепции*, сформировать самостоятельное просветительское направление мысли» (курсив мой. — *И.Х.*)²².

Социальная направленность новых идей не играла никакой роли. Например, идея естественного равенства — идея, для русского общества XVIII века по сути экзотическая, была излюбленной в русском масонстве и не только масонстве. Можно привести десятки парафраз ее из масонских песен и речей. Она умиляла и возвышала душу вельможи, правда, масоны вели ее, как, впрочем, и всю идеологию масонства, от царя Соломона. Вопрос в том, правомерно ли считать *такое* бытование просветительских идей в России *веком Просвещения*? Может, это просто «ренессансная раскованность сознания»? Ведь именно «ренессансное мышление оказывается способным развить несовместимые со средневековыми схемами новые взгляды, новое миропонимание, немислимые раньше концепции»²³. Если допустить это, то тогда окажется понятным, почему практически половина мощнейшей типографии Новикова была направлена на издание неприемлемых для него и для всех масонов, участвовавших в этой деятельности, произведений просветителей. Более того, в стилистику ренес-

сансного гуманизма гармонично вписывается и Екатерина II с ее мощным *самораскрепощением*, независимым от мнения общества, церкви, а иногда и интересов государства. Скорее выходило, что в век Екатерины II на фоне просветительских декораций разворачивалась пьеса, построенная по принципам гуманизма, где в разнообразных формах — или шокирующего эгоизма, или, напротив, жертвенного добротолубия — демонстрировалось «водворение подлинной человечности», которое В.В.Зеньковский поставил в центр русского гуманизма²⁴.

Русский XVIII век еще не дает примеров атеизма, не отвергается и церковное учение в принципе, наблюдается только отказ от религиозной исключительности — шаг в сторону свободы совести. Этот переходный тип сознания, в сочетании с доминированием этической проблематики и частным интересом к оккультизму, указывает и на типологическую матрицу — стилистику мышления эпохи Возрождения. Наряду с церковным учением человек ощущает потребность выстроить свой личный религиозный опыт. Усиленной работой сознания человек высвобождается из липких пут традиционно-покорного существования и ощущает себя способным *самому* разобраться в своем религиозном чувстве.

Исторически масонство возникло в Европе в русле возрожденческого гуманизма как *другой* взгляд на человека. Логичнее предположить, что русскому обществу на выходе из Средневековья естественнее и понятнее общение с гуманистическими теориями. Масонская ложа воспроизводила семантику средневекового цеха — корпоративного закрытого профессионального объединения, значившего в истории развития европейского Средневековья очень много: свободный город, ранний индивидуализм или только его предощущение. Понятие цеха предполагало урегулированность общественных и профессиональных отношений. Это форма выражения согласия членов сообщества, демонстрирующих готовность вступать в договорные отношения. Цех — это вершина, с потерей которой, как считал В.В.Бибихин, начинается откат: «С падением средневековых городских коммун были подорваны личное достоинство и гордость, дух сопротивления и вера в себя, делавшие свободный город XI—XII веков сильнее Фридриха Барбаросы»²⁵.

Откатная темнота Средневековья поглотила цех, и только на волне возрожденческого гуманизма высветилась символическая сторона понятия *обработка камня*. Бессилие и никчемность человека в деле спасения падшего сменилось верой в возможность его *возрождения*, но путем невероятных усилий, сродни обработке камня. В этот мо-

мент «оперативное» масонство (каменничество), т.е. строительное ремесло как таковое, превратилось в масонство «спекулятивное» (умозрительное), в нравственную и мистическую интерпретацию строительного ремесла, в тайное учение с эзотерическими ритуалами и эзотерическим учением»²⁶.

В масонстве профессиональная доминанта цеха уступила место сословной (профессия — дворянин, что совместилось в понятии «дворянин-философ»). Но если правовая нормативность цеха в системе *цех — мастер — общество* являлась цивилизующим фактором, то и ложа, подобие цеха, представляла собой модель отрегулированных межличностных отношений, в которых, несмотря на строгую иерархию внутренней структуры ложи, в системе ценностей на первое место выходили отношения равенства между братьями.

Мировосприятие русского масона указывает на ренессансный тип мышления. В первую очередь, это раскрепощение сознания, освобождение от средневековых догм и догматического образа мышления, это безрассудное, с точки зрения традиции, принятие другой реальности и сомнение в очевидности еще недавно бесспорной истины. «Способность усомниться, — считает В.В.Лазарев, — не принадлежит традиционному образу мышления, но весьма характеризует ренессансный стиль»²⁷.

В то же время мировоззренческая включенность русского масонства XVIII века в систему пантеистического мистицизма определяла своеобразный «ракурс» видения человека. Идеал масонской антропологии отнюдь не богоподобный титан, воплощение гармонии духа и тела, созданный мыслителями высокого Возрождения, — это скорее стяжатель духа, приближающийся к Богу в процессе самопознания и самосовершенствования.

Репродукция возрожденческого культа средневекового братства в России указывала на тот момент в истории общества, когда происходили существенные сдвиги в становлении индивидуалистического сознания, обособления личности из хора, причем личности, свободной и сознательной в своем религиозном выборе. Нетрудно понять, для чего собирались иностранцы, проживавшие в России, в ложах, но для русского человека XVIII века ложа — мало сказать, ниша или другая культура — это другое измерение, и тем не менее они получили очень широкое распространение.

В морфологии масонства прослеживаются наслоения различных культурных эпох: раннего Средневековья (культ средневекового цеха, еще свободного от вездесущего католического надзора), Ренессанса (культ освобожденного от религиозного диктата человека), Нового

времени (культ естественного равенства, разума). Совмещение раннего индивидуализма, религиозного гуманизма и рационализма — понятий, доселе неведомых русскому сознанию, создавало удивительную атмосферу беспредельных человеческих возможностей. Еще и ста лет не прошло, как русские послы удивляли Европу собольими шубами не по погоде, волосами, смазанными жиром, да крепким луковочесночным духом, что воспринималось как шокирующая экзотика русских нравов. Жизнь текла по понятиям, очерченным Домостроем, а каков был тогда круг чтения? Безусловно, не только Псалтирь, читали и Повести Смутного времени, и Хронограф, и сборники афоризмов, и первые стихотворные опыты. Но круг идей? ...Может быть, отсюда жадная восприимчивость русского ума и стремление пережить всё пропущенное или вообще другое. В первую очередь, благодаря масонам русское общество XVIII в. узнало тексты античных авторов, средневековых мистиков и отчасти философов Нового времени. Тот путь, что прошло русское общество за XVIII столетие, путь фантастический по насыщенности и интенсивности, есть свидетельство ренессансной открытости русского ума, как известно, от природы восприимчивого, дерзкого и очень часто талантливого.

Для большинства русское масонство — это уход от тягостного ежечасного ощущения на себе государева ока, от необходимости жестко придерживаться установленных в обществе правил, здесь сказалась психологическая потребность в смене роли и в свободе выбора. Это на деле (не на словах) — выход из православия. То отчаянное погружение в безликий монотеизм, подчас в религиозно-культовую абракадабру масонского обряда свидетельствует о том, насколько русский культурный человек устал от вездесущего, но не видящего человека православного обряда. Однако в русском масонстве часто не совпадали поведенческая мотивация и ценностные ориентиры. Как раз система ценностей масонства, основанная на утопической идее нравственного совершенствования, более органично вписывалась в парадигму русского менталитета, чем разумная этика Просвещения. Гуманистическому мировоззрению была более близка индивидуальная этика, основанная на единстве чувственного и рационального.

В России во второй половине XVIII в. дворянство в том или ином виде приняло масонство. «К концу 1770-х гг. оставалось, вероятно, не много дворянских фамилий, у которых не было бы в масонской ложе близкого родственника»²⁸. В редких случаях низшие степени в ложах занимали купцы, известно несколько православных священников-масонов, но в основном это был дворянский состав или иностранцы. Лица низших сословий в ложи не допускались.

Ситуацию можно считать парадоксальной: в 40–50-х гг. XVIII в. ложи пришли в Россию из Европы и первое время служили пристанищем исключительно для иностранцев. Круг чтения русского масонства — в преобладающей степени сочинения немецких мистиков, светоотеческая литература, античные авторы. Тем не менее масонство прижилось, приобрело национальные особенности и в результате составило исключительно важную страницу в истории развития самосознания русского общества, в становлении русской духовной культуры. При всей беспочвенности русского масонства, набор идей, составляющий его содержательную часть, именно с этих пор становится доминирующим для русского академического и, в большей степени, «вольного» философствования. В первую очередь это философская антропология, проблема человека в религиозно-нравственном аспекте.

Упрощенный абрис масонства в России выглядит следующим образом. Масонство, вероятно, проникло в Россию при Петре I, хотя герметическая литература была известна жителям Немецкой слободы еще в XVII веке. Сведения о вступлении Петра I в шотландскую степень Св. Андрея (и как следствие учреждение им в 1698 г. ордена Св. Андрея Первозванного) до сих пор историки относят к полуполюгендарным. Правда, феноменальная включенность Петра в «структуры» западной жизни, его энергия и любопытство в освоении пространств других измерений делают эти легенды допустимыми. По крайней мере, целиком заимствованная западная модель флота вполне могла принести в Россию и закрытые объединения морских офицеров в ложе, в силу особенностей профессии более склонных к корпоративности, что именно и наблюдалось.

Собственно деятельность русского масонства начинается при Елизавете — тогда оно было не таким многочисленным, но довольно пылким. В ложи входили представители высшей знати, офицеры, часто они же писатели: А.Сумароков, Ф.Мамонов, М.Щербатов, И.Болтин, М.Херасков. Сопряженное с определенными интеллектуальными усилиями, масонство легче находило приверженцев в высшей школе, в частности в Сухопутном кадетском корпусе в Петербурге и в Московском университете. Елизавета относилась к масонству с большим подозрением, но воцарение Петра III, известного и рьяного масона, как бы разрушило преграды, и оно разлилось столь широко и вольно, что даже Екатерине II, легко справившейся с самим Петром III, поначалу пришлось принять масонство в России как факт. Гуманистический пафос масонства был Екатерине не близок,

мистицизм просто претил, но в первые годы царствования императрица проводила политику веротерпимости, относясь снисходительно и к масонам.

Первая широкая организация русского масонства сложилась в начале 1770-х гг. Провинциальным великим мастером ее был Иван Перфильевич Елагин, тайный советник, сенатор, Главный директор музыки и театра, помимо всего прочего давший имя некогда принадлежавшему ему Елагину острову в Петербурге. Елагин придерживался простого по форме *английского* масонства трех степеней — ученик, товарищ и мастер. Елагинская система сосредотачивалась на моральных задачах и космополитической идее братства всего человечества. Естественное равенство и рационализм, вначале привлекавшие Елагина, ко второй половине 1770-х гг. были им отвергнуты. Этому немало способствовало знакомство с трудами Гельвеция, якобы не допускавшего «бытие морального человека», но рассуждавшего на уровне «брюховного мира». Идеальные сомнения, усиленные наличием явных признаков превращения ложи в респектабельный мужской клуб, привели систему Елагина к кризису.

Одновременно в Петербурге возникла так называемая Циннендорфская система барона Рейхеля. *Шведско-немецкая система «Слабого наблюдения»* проводила в своих ложах строгую моральную дисциплину. Надеясь, что это и есть искомое истинное масонство, масоны стали переходить от Елагина к Рейхелю. Под влиянием Рейхеля Елагин пришел к мистическому масонству. В 1776 г. произошло объединение двух систем под руководством Елагина, с этих пор приверженца, толкователя и популяризатора учения Сен-Мартена.

В среде высшего дворянства было очень популярно *рыцарство*. Многие ложи выбирали рыцарскую символику, основанную на эксплуатации темы средневекового ордена Рыцарей Храма (*тамплиеров*).

В 1776—1778 гг. кн. А. Б. Куракиным, другом цесаревича Павла, в Россию была привезена *шведская рыцарская система*. Пребывание в шведских ложах отличалось более напряженной умственной работой, произносились морально-философские речи и ставились нравственные и филантропические задачи. Не только императрице, но и некоторым масонам не нравилась полная зависимость от Швеции — считалось, что истинное масонство должно быть аполитично. Недовольные ушли в розенкрейцерство. Была еще легкая и блестящая *система французского рыцарства*, привлекавшая в основном богатое дворянство и петербургскую молодежь. Во Франции масонство было в большой степени политизировано, придерживалось радикальных социально-политических целей.

В России же французское рыцарство оказалось наиболее лояльным режиму, оно стояло в стороне от тревожных политических и моральных вопросов.

Действительно, часто масонские ложи, по замечанию Ю.М.Лотмана, «представляли собой нечто вроде филантропических клубов или своеобразного развлечения пресыщенных вельмож и ищущих смысла жизни интеллектуалов», они бывали пристанищем для авантюристов или банальных карьеристов, но только в *таком* виде масонство не оставило бы заметного следа в истории России²⁹. Нашлось немало людей, для которых вера в преображение человека и общества путем улучшения нравственной основы человека стала смыслом жизни. «Масонство было у нас в XVIII в. единственным духовно-общественным движением. Лучшие русские люди были масонами. В масонстве произошла трансформация русской культурной души, оно давало аскетическую дисциплину души, оно выработало нравственный идеал личности» — в этом видел значение масонства Н.А.Бердяев³⁰.

При имевшем место определенном надзоре власти, церковной цензуре, общественная жизнь начала царствования Екатерины II представляла собой как бы «открытое общество» — неконтролируемый поток литературы с запада, указ императрицы о свободной деятельности частных типографий, свободная журналистика и, наконец, религиозная веротерпимость. Такие периоды в России встречались нечасто, поэтому переоценить совокупный эффект трудно. На фоне всего этого масоны действовали легально, открыто, так как ложи не были запрещены. Навязываемая обществу роль Екатерины II как преемницы дела Петра I уже сама по себе поощряла активную жизненную позицию людей, бескорыстно служащих интересам общества. Преодоление масонами церковного догматизма, воплощение идеалов нравственного самосовершенствования, реальная благотворительность, а также стремление «к достижению братства всего человечества, независимо от его национальных, политических, религиозных и иных различий», — все это дало основание даже такому скептически настроенному автору, как В.Ф.Пустарнаков, отнести масонство к утопическому, но позитивно влиявшему на общественный прогресс движению³¹. Причем, это было не только «единственное духовно-общественное движение», это было *первое* подобное движение, и по сути своей оно не являлось *тогда* политической оппозицией. Что-то нравилось, что-то не нравилось, но масоны верили, что, совершенствуя себя, они совершенствуют общество, а следовательно, помогают власти дотягивать то, до чего у самой власти руки не доходят. Все просто, как в любой утопии. Оппозицией их сделала сама власть.

К концу 1770-х гг. интеллектуальное напряжение в поисках истинного масонства сосредотачивается в Москве, вокруг так называемого кружка Николая Ивановича Новикова. В 1782 г., благодаря настойчивости Е.И.Шварца, Россия, став восьмой независимой провинцией, в лице московских масонов получила разрешение создать орден «Злато-Розового креста». Таким образом, московские масоны остановились на тайном учении о Боге, природе и человеке как на истинном. Здесь русский масон демонстрирует эффект двойного отражения. Сколько раз Новиков обращался с молитвой к *своему Богу*, названному масонами *Великим Архитектором Вселенной*, в то же время искренне считая себя православным. Он не видел в этом не только противоречия, но даже чего-то противного вере или совести. Отказываясь на деле от многих церковных догм, он оставался образцовым православным даже в оценке московского архиепископа Платона, причем сомневаться в искренности каждого не приходится. То, что воспринималось враждебно императрицей, не вызывало даже опасения у редких интеллигентов из священнослужителей. И вот почему.

Христианская утопия веры ради спасения в принципе не противоречила масонской теории самосовершенствования спасения ради. «Надобно человеку морально переродиться. Тогда Евангельская нравственность будет ему природна, тогда он будет любовью к Богу любить ближнего. Сие моральное перерождение, чрез которое только человек становится образом и подобием Божиим, не может, конечно, произойти без действия силы Всемогущей, но непременно содействовать оному должна и воля человеческая, коей свобода дана от Бога, как дар величайший и особенно составляющий величие человека», — пожалуй, это неплохой образец русской риторики в стиле Возрождения³².

В деле нравственного совершенствования главную роль масоны отводили самому человеку, его воле и познанию Творца, природы и самого себя. Перенос акцентов с подавления личностного начала на его активизацию или даже на лидирующую роль личности в деле спасения, вызывало крайне нигилистическую (и справедливую с точки зрения догмы) реакцию как религиозных догматиков, так и просвещенной императрицы, чутко реагировавшей на любые проявления эмансипации личности. Совпадение здесь не случайно. Но обвинения, выдвинутые Екатериной II против масонства, в ереси, расколе, шаманстве могли работать лишь все в той же инертной среде верноподданных. Императрица стремилась унижить масонство, представляя его как рецидив религиозного невежества. Но само масонство жило идеей *обновления* веры, находя источники энергии в

революционном пафосе возвращения к чистоте первоначального христианства или в идеализации очистительной миссии христианского рыцарства.

Новая светская культура, формализуя веру, не могла разрешить возникшего при этом противоречия между внешней жизнью и внутренней, между личным эгоизмом и духовными запросами личности, сопричастными христианской жертвенности. Русское масонство, именно как феномен промежуточной, светской религии, снимало этот комплекс. «Невидимый Бог показал нам, каков он хочет быть в человеке, а именно во Христе, коего жизнь есть для нас нить, по которой мы следуя, можем учиниться богочеловеками, а поелику Христос непрестанно действовал для спасения рода человеческого, то и мы к той же цели непрестанно стремиться должны»³³. Максимализм нравственных требований, предъявляемых масонским учением, не выходил из границ христианства, что способствовало восприятию масонства как истинного учения.

Это состояние причастности к истине давало острое ощущение собственной значимости и силы. Здесь источник невероятной, титанической энергии, с какой русские розенкрейцеры действовали на поприще совершенствования человека и общества. В достижении совершенства масоны видели конечную цель человека. Само понимание совершенства рассматривалось не как итог, но как духовное восхождение, где главными были понятия упорядоченности и меры, служившие совершенствованию духовной жизни и ограничению чувственности. Мерилом выступало понятие человеческого достоинства. При этом в масонстве понятие совершенства не замыкалось на личном внутреннем опыте, как в мистицизме, совершенной являлась только добродетельная личность.

Масоны осознали несовершенство человека и общества и пытались исправить в первую очередь человека как изначальный элемент общества. Сама жизнь русского масона становится фактом одержимости и твердости духа. Отсюда интерес к этическим учениям, в частности поздней античности и, в первую очередь, к стоицизму и скептицизму. Популярен был также эпикуреизм как оправдание не знавшего меры удовольствиям образа жизни, спускаемого сверху. Они должны были дать ответы тем, кто впервые увидел или почувствовал упоение самодостаточности.

В 1784 г. на кружок Новикова обрушились правительственные гонения; все московские ложи пришлось распустить. Тайно собирались только розенкрейцеры — имевшие высшие масонские степени приверженцы «теоретического градуса Соломоновых наук», то есть наук, раз

решенных Библией. Некоторым избранным разрешалось постигать и оккультные науки. Розенкрейцеров было в России немногим более 20 человек, среди них: Е.И.Шварц, Н.И.Новиков, И.П.Тургенев, А.М.Кутузов, С.И.Гамалея, В.В.Чулков, В.И.Лопухин, Н.Н. и Ю.Н. Трубецкие, М.М.Херасков, О.А.Поздеев, В.И.Баженов и др.

Идеи перфекционизма и естественного права являлись базисными в первом русском масонстве начала 1770-х гг. Идеи перфекционизма и мистицизма определяли существо движения московских розенкрейцеров 1780-х. Одно проникнуто рационализмом, другое носит черты подлинной мистики, причем последнее оставит такой глубокий след в истории, что русское масонство в дальнейшем будет ассоциироваться исключительно с мистикой и иррациональными формами познания.

Розенкрейцество круга Новикова — это полное, законченное воплощение идеи масонства. В нем сплелось все: и тайное учение Розы и Креста, и служение идеи нравственного совершенствования человека и общества до самопожертвования, и поиски философского камня в алхимической лаборатории, и политика (правда, только в попытках влияния на будущего императора). Однако русское масонство не синоним мистики. Не с мистикой связано то общекультурное значение масонства в России, которое оно оказало на формирование самосознания общества. Более того, на проблеме мистики ломались отношения *братьев*: наиболее деятельные масоны — Н.И.Новиков и М.М.Херасков, сторонились ее, наиболее талантливые — А.Н.Радищев, Н.М.Карамзин — выходили из круга.

Мистика — слом реального мировосприятия, вещь сугубо личная, если дело касается человека, и всегда маргинальная в отношении общественного сознания, но при этом совершенно естественная в системе координат ренессансного религиозного гуманизма. Наивными выглядят попытки розенкрейцеров с помощью алхимии исправить природу человека и нравы общества, но на поиске философского камня, основы социальной утопии масонов, на поиске *панацеи* несколько веков сходила с ума и Европа. Однако неизвестно, что безобиднее: фанатичная погруженность в оккультный мир, созерцание в огне танца саламандры или выход из замкнутого пространства алхимической лаборатории и последовательное перетолкование теософии в теократию.

Действительно, более чем грустно вчитываться в «Новое начертание истинных теологий» — принятый масонами план построения теократического сверхгосударства во главе со святым царем, под властью которого верующие всего мира соберутся «для того, чтобы ра-

ботать во всеобщем исправлении нравов»³⁴. Социальная утопия московских розенкрейцеров, этот прообраз Священного Союза, из лучших побуждений, как, впрочем, и любая утопия, выстраивала общество равных, начиная с введения униформы. Штудирюя «Истину Религии», розенкрейцеры, очевидно, верили, что первый путь к исправлению нравов — одеть бедных и богатых в мундиры, и тогда человечество «избавится от зависти и презрения, а достоинство и добродетель будут виднее». В качестве примера приводился китайский император, который «в своей Императорской униформе — почти обожаем»³⁵. Что делать, если сегодня это напоминает скромный мундирчик Мао или некоего Джугашвили, кстати, тоже обожаемых. Тем не менее теократическая утопия осталась лишь фактом осведомленности, которую масоны никому не навязывали и не выстраивали в соответствии с ней свою общественную деятельность. «Агрессивность» *нового раскола*, как называла масонство Екатерина II, состояла в том, что порой связь мистической литературы, на которую всегда был плохой спрос, Н.И.Новиков отдавал посетителю книжной лавки бесплатно, иначе говоря, навязывал.

О просветительской (в буквальном смысле) и благотворительной деятельности московских розенкрейцеров написаны тома. Масштаб этой деятельности поразителен. «Масонство было терпимо, — писал П.Н.Милюков, — пока высокопоставленные лица занимались им для собственного развлечения и забавлялись им как игрушкой. На масонство не обращали особенного внимания и тогда, когда оно обратилось к работе внутреннего самосовершенствования и к таинственным алхимическим занятиям. Но масонство, как частное общество с задачами общественного характера, как организованная общественная сила, располагавшая крупными денежными средствами, распространявшая через своих членов сокровенные книги от Риги до донских станиц, сильная своим влиянием на общество и крепкая внутренними убеждениями, — это масонство было явлением неслыханным в русской жизни. Оно занимало слишком видную позицию, чтобы можно было дальше его игнорировать»³⁶.

На пожертвования масонов, на доходы от издательской деятельности кружка Новикова создавались богадельни, больницы, лучшие в Москве аптеки, училища для бедных детей, происходила раздача хлеба в неурожайные годы. Первоначально масоны поставили своей целью создать и контролировать сеть начального народного образования. С появлением Шварца задачи значительно расширились. В 1779 г. была основана *Педагогическая семинария* при Московском университете, призванная готовить студентов к

учительскому и профессорскому званию, а через три года — *Переводческая семинария*, готовившая профессиональных переводчиков, так как тексты древних и новых авторов занимали в журналах Новикова и вообще в изданиях Типографической компании московских масонов лидирующие позиции. Одновременно ученики розенкрейцерского кружка получали соответствующее религиозно-нравственное воспитание. Среди них, кстати, были будущий профессор и ректор Московского университета А.А.Прокопович-Антонский и первый директор Царскосельского лицея В.Ф.Малиновский. Хотя для семинаристов был куплен дом, они не жили закрытой сектой — их воспитание и образование проходило в основном в стенах Московского университета на фоне невиданной до сих пор творческой студенческой активности. В начале 1780-х усилиями Шварца создаются *Общество университетских питомцев* — первое студенческое общество в России и *Дружеское Ученое общество* — помимо всего еще и легальная форма деятельности московских розенкрейцеров. В значительной степени такое стало возможно благодаря куратору Московского университета, поэту и розенкрейцеру Михаилу Хераскову.

На эту беспрецедентно масштабную просветительскую и филантропическую деятельность уходили огромные средства, практически состояния людей, полностью отдавших жизнь служению идее. История многих из них печальна — немало розенкрейцеров закончили жизнь в страшной нищете. Кажется, Россия еще не знала подобных примеров свободной общественно-полезной деятельности, когда в течение нескольких лет беспрепятственно адепты могли воплощать в жизнь свои идеи. Во всяком случае, тогда еще ничто не говорило, что *так* нельзя. Новизна всей жизни, казалось, допускала любые формы деятельности, не наносящие вреда вере и государству. Массонство же, по убеждению его адептов, являло собой «христианскую нравственность в деятельности ее».

Масоны сосредоточили свои усилия на воспитании и образовании молодежи в соответствующем их взглядам религиозно-нравственном направлении, заложив, насколько это было возможно, в сознание вступающих в жизнь молодых людей понятия нравственной жизни, человеческого достоинства, деятельной добродетели, самодостаточности личности, наконец. Такое воспитание, по мысли масонов, служило целям преобразования общества. Позже В.В.Зеньковский скажет: «В русском масонстве формировались все основные черты будущей передовой интеллигенции — примат морали и сознание долга служить обществу»³⁷.

Масоны не были столь наивны, чтобы не понимать того, что у императрицы *другое* представление о совершенном обществе, подтверждением тому могут служить многолетние дискуссии между Екатериной II и Николаем Новиковым. Стороны рассудил Пушкин: «Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского (домашнего палача кроткой Екатерины) в темницу»³⁸. Екатерина уничтожила звание раба, но при этом, продолжал Пушкин, раздала около миллиона крестьян. В то же время Новиков, также не сторонник освобождения крестьян, десятилетия, из издания в издание, которые закрывала уличаемая им лицемерии императрица, из номера в номер хорошим литературным языком проводил гуманистическую идею внесловной ценности человека.

Учебно-просветительская деятельность масонов не могла конкурировать с государственной, но тем не менее вызывала сильнейшее раздражение императрицы, в те годы также озабоченной созданием «новой породы людей». В 1786 г. педагогическая деятельность масонов была подавлена Екатериной II. Только Общество Университетских питомцев постепенно было преобразовано в Московский Университетский Благородный пансион, откуда вышло много известных русских писателей уже XIX века. Инспектором пансиона более 30 лет был ученик Шварца А.А.Прокопович-Антонский.

Первый опыт общественной и личной активности, представленный деятельностью масонов, был, в конечном счете, жестоко подавлен, что отнюдь не означает, что в борьбе идей масонства и Просвещения в России победило последнее. Победили приверженцы идей Просвещения, но ничто в дальнейшей политике не говорило ни о принципиальном значении идеологии Просвещения для власти, ни даже о серьезности этого увлечения. Не приходится говорить и о серьезном развитии общественных и гуманитарных институтов в системе самодержавия. С этих пор стало очевидно, что претворение гуманистических идеалов в существующей системе координат в России будет проходить трудно, потребует напряжения воли и просто мужества.

Крах масонской утопии дал ход формированию ведущего понятия русской культуры XIX в. — понятия *лишнего человека*, то есть личности, не имевшей возможности в конкретных российских условиях реализовать себя. Это русский XVIII век породил трагедию ненужного обществу человека. «Лишний» человек, «отщепенец», «сумасшедший Чадаев» — уже характеры XIX века, а еще прежде был тот, кому приходилось, пребывая в контексте духовных поисков, допустим, Марка Аврелия или Монтеня, жить среди скотининых и проста-

ковых. Массонство в России — это прививка внутренней свободы. Именно масоны ближе всех подошли к пониманию феномена внутренней свободы, неизменную ценность которой раскрывал и излюбленный масонами Иоанн Арндт: «Тщательно старайся соблюдать свободу души твоей, чтобы не сделать ее, через беспорядочные желания временного, рабою и невольницею земных вещей, ибо душа твоя благороднее всего мира»³⁹. Русское масонство XVIII века в немалой степени определило духовно-нравственную парадигму русского общества — официальной церковности, лицемерию власти с этих пор противопоставляется человеколюбие, сострадание, жертвенность, свободно реализованные только, пожалуй, в русской литературе, здесь же и начало практики малых дел, и понятия жизни по совести. И отсюда же намечается уход на сугубо российский, невеселый путь автономной эмансипации и внутренней независимости личности.

Примечания

- ¹ Пушкин А.С. Соч.: В 10 т. Т. 7. М., 1976. С. 161.
- ² *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. Т. 9. М., 1990. С. 31.
- ³ Там же. С. 37.
- ⁴ Русская проза XVIII века. М., 1971. С. 198.
- ⁵ Проблемы морали были ведущими в первых московских журналах: «*Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих*» (1755—1764), «*Праздное Время в пользу употребленное*» (1759—1760), «*Трудолюбивая Пчела*» А.П.Сумарокова (1759), «*Полезное Увеселение*» М.М.Хераскова (1760—1762), «*Невинное Упражнение*» (1763), «*Доброе Намерение*» (1764). Более десяти изданий выдержала книга *Роберта Доддси* «Экономия жизни человеческой», изданная в четвертом переводе Н.И.Новиковым как «Книга Премудрости и Добродетели»; она представляла собой краткое изложение нравственных основ жизни. В 1763 г. в Москве была издана «Энциклопедия, или собрание нравоучительных мыслей и рассуждений о разных материях» в переводе с франц. И.Приклонского. В книге давались объяснения таких слов, как Бог, благо, добродетель, несчастье, печаль, самолюбие и пр., заимствованные из Эпиктета, Сенеки, М.Аврелия, Бельгарда и др. Вопросы морали естественного человека обсуждались в трудах *В.Золотницкого*: «Состояние человеческой жизни, заключенное в некоторых нравоучительных примечаниях, касающихся до натуральных человеческих склонностей» (1763), «Общество разнородных лиц или рассуждение о действиях и нравах человеческих» (1776) и др.
- ⁶ *Ключевский В.О.* Соч. Т. 9. С. 35.
- ⁷ Там же. С. 37.
- ⁸ *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. III: Национализм и общественное мнение. Вып. 2. СПб., 1913. С. 248.
- ⁹ *Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России. М., 1984. С. 85.
- ¹⁰ *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 197.

- ¹¹ **Фонвизин Д.И.** Недоросль // Русская проза XVIII века. М., 1971. С. 262.
- ¹² **Щербатов М.М.** О повреждении нравов. С. 85.
- ¹³ Русская проза XVIII века. С. 248.
- ¹⁴ **Пушкин А.С.** Соч. Т. 7. С. 163–164.
- ¹⁵ **Каменский А.Б.** От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. М., 2001. С. 338, 339.
- ¹⁶ **Ключевский В.О.** Соч. Т. IX. С. 35.
- ¹⁷ **Соловьев Э.Ю.** Агония французского абсолютизма. Глава I // Французское Просвещение и революция. М., 1989. С. 25.
- ¹⁸ **Доброхотов А.Л.** Эпохи современного нравственного самосознания // Этическая мысль. М., 2000. С. 85.
- ¹⁹ **Руссо Ж.-Ж.** Трактаты. М., 1969. С. 125.
- ²⁰ **Вернадский Г.В.** Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб., 1999. С. 141.
- ²¹ **Каменский А.Б.** От Петра I до Павла I. С. 332, 333.
- ²² **Пустарнаков В.Ф.** Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М., 2002. С. 138.
- ²³ Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983. С. 112–113.
- ²⁴ **Зеньковский В.В.** История русской философии. Т. I. Париж, 1989. С. 94.
- ²⁵ **Бибихин В.В.** Новый ренессанс. М., 1998. С. 16.
- ²⁶ **Йейтс Ф.А.** Розенкрейцерское просвещение. М., 1999. С. 368–369.
- ²⁷ Философия эпохи ранних буржуазных революций. С. 113.
- ²⁸ **Вернадский Г.В.** Русское масонство в царствование Екатерины II. С. 40.
- ²⁹ **Лотман Ю.М.** Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 42.
- ³⁰ **Бердяев Н.А.** Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 57–58.
- ³¹ **Пустарнаков В.Ф.** Н.И.Новиков. Масоны // Исторический лексикон. М., 1996. С. 492–493.
- ³² **Лопухин В.И.** Записки сенатора И.В.Лопухина. М., 1990. С. 21.
- ³³ **Барсков Я.Л.** Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792. Пг., 1915. С. 256.
- ³⁴ **Вернадский Г.В.** Русское масонство в царствование... См.: С. 240–252.
- ³⁵ Там же. С. 243.
- ³⁶ **Милюков П.Н.** Очерки по истории русской культуры. Ч. III. Вып. 2. С. 363–364.
- ³⁷ **Зеньковский В.В.** История русской философии. Т. I. С. 106.
- ³⁸ **Пушкин А.С.** Соч. Т. 7. С. 164.
- ³⁹ **Ардт И.** Об истинном христианстве. М., 1784. Ч. I. С. 494